

с легендой о пересылке посольствами турецкого султана с Иваном IV, попавшей в записки Исаака Массы.¹³

Именно в Посольском приказе были известны и распространены эти полулегендарные дипломатические послания. Иногда они проникали и в официальные документы. Так, письмо турецкого султана польскому королю встречается в рукописных курантах 1621 г. — памятнике, составлявшемся непосредственно в Посольском приказе и представляющем собой своеобразный дипломатический документ-справку.¹⁴ В курантах 1621 г. среди политических новостей сообщается: «Изо Гданска города в грамотках пишут, что турский царь к польскому королю такову отказную грамоту прислал», после чего следуют уже знакомый нам большой титул, упреки в нарушении мира и тайном соглашении с «королевицишками», угрозы и высмеивание веры.¹⁵

Сведения курантов в большей степени документальны, чем сообщение Конрада Буссова, однако и с ними мы должны быть очень осторожны. Куранты приводят не грамоту султана, а слух о том, что такая грамота была послана.

Вопрос о документальном протографе грамот султана к польскому королю нельзя будет решить до тех пор, пока не будут найдены подлинные дипломатические послания аналогичного с нашими грамотами содержания. Пока же несомненно одно: уже в первой четверти XVII в. подобный текст, возможно в свою очередь вымышленный, был известен в Посольском приказе и близких к нему кругах и мог послужить непосредственным протографом для наших грамот.

В этой связи следует назвать еще один памятник, близкий к грамотам султана и переписке его с цесарем Леопольдом, документальность которого следует также поставить под сомнение. В составе летописи Самуила Величко до нас дошла «гневливая и досадительная листовная корреспонденция» Сигизмунда III с турецким султаном Османом II, датированная 1620 г.¹⁶ В титуле султана есть термины: «... пан древа залецоного от водуху слонца аж до заходу, пан древа кветнучого, надею потешения нам годкучючим, засмуждение тобе противнику...»,¹⁷ похожие на термины из письма цесарю Леопольду: «... государь древа жизни, начальник Московский и земли обетованныя, велий гонитель христианский, бог древа цвета, блюститель бога твоего распятого, председатель всякия надежды». Самый тон «листовной корреспонденции» из летописи Величко тот же, что и в грамотах султана польскому королю и в переписке с цесарем. Так, Осман II пишет королю: «... маешь раду нашу за низащо, и землю Иерусалимскую з моци нашей хочешь вирвати; прето естесь нензним чело- веком и неровний в той мере чинишь замисл. Бойся смерти з теми людьми малыми твоими, коли умислне и явно буду на твое королевство наступовати; и тое ся стане все яко я пишу. Разумей же моц мою... Юж теди нец не мей надеи в приязни нашей, а ми теж власние мужи твои потлу-

¹³ Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 27—28 (см.: Легендарная переписка, стр. 248—249). Кстати, такую же легенду о посылке султану издевательских подарков и посланий сообщает и Конрад Буссов, но приписывает эти послания не Ивану IV, а Борису Годунову (Конрад Буссов, стр. 21).

¹⁴ См.: А. Н. Шлоссберг. Начало периодической печати в России. СПб., 1911, стр. 31—32.

¹⁵ В ЛОИИ (собр. Археографической комиссии, № 26) хранятся копии с курантов, сделанные князем Голицыным. В данной работе использованы копии стр. 5—9. Подлинники хранятся в ЦГАДА (склейки 10—17; см. стр. 249—250 настоящего издания).

¹⁶ С. Величко. Летопись событий в юго-западной России в XVII-м в. Киев, 1848. Подложения, стр. 3—5.

¹⁷ Там же, стр. 4.